

С. В. Максимова

ИДЕЯ МЕТАМОРФОЗЫ В РОМАНЕ К. С. ЛЬЮИСА «ПОКА МЫ ЛИЦ НЕ ОБРЕЛИ»

*Работа предоставлена кафедрой зарубежной литературы.
Научный руководитель – доктор филологических наук, доцент Т. А. Федяева*

В статье рассматривается роман К. С. Льюиса «Пока мы лиц не обрели» в сравнении с произведением Апулея «Метаморфозы или Золотой осел», вставная новелла которого послужила основой для льюисовского произведения. Такое сравнение позволяет понять особенности мифопользования английского писателя.

The article represents the analysis of the novel «Till We Have Faces» by C. S. Lewis in comparison with the «Metamorphoses» (sometimes called «The Golden Ass») by Lucius Apuleius Platonicus. Lewis gives his version of the Eros and Psyche's story. The comparison with Apuleius helps to understand some distinguishing features of Lewis' myth poetics.

Может показаться странным, что К. С. Льюис, будучи глубоко верующим человеком, не раз в своем творчестве обращается к античному материалу. Более того, сюжет последнего романа К. С. Льюиса – «Пока мы лиц не обрели» (1956) – строится непосредственно на переосмыслении мифа об Амуре и Психее, известного по роману Апулея «Метаморфозы, или Золотой осел». Существует мнение, что английского писателя привлекала возможность вложить в дохристианскую форму христианское содержание. Так, М. Штейнман пишет: «Для него античное божество – не объект отрицания и борьбы, а слабый отзвук, искаженное отражение истинного бога»¹. Думается, здесь необходимо уточнение. В «Диалектике мифа» А. Ф. Лосев сделал одно любопытное наблюдение: «Христианское мифическое сознание боролось с языческим мифическим сознанием ради определенной мифической истины»². Представляется, что целью писателя и была «определенная мифическая истина».

Сюжет романа «Пока мы лиц не обрели», как мы уже сказали, строится на пере-

осмыслении мифа об Амуре и Психее. О том, что в основе романа лежит миф, сказано уже в подзаголовке – пересказанный миф. Но «пересказывая» миф, К. С. Льюис вносит ряд существенных изменений. Как заметил Л. Адей³, писатель превращает бога любви Амура в невидимое чудовище, Венеру заменяет богиней Унгит. При этом сам писатель считал, что главное изменение в его версии мифа заключалось в создании невидимого – глазам простого смертного – дворца Психеи. «Такое изменение, – как писал К. С. Льюис, – влечет за собой не только появление амбивалентности, но и создание нового персонажа, которого не было у Апулея»⁴.

Таким новым персонажем стала Оруаль, старшая сестра Психеи. Заменяя видимый дворец невидимым, К. С. Льюис указывает на совершенно иную причину, побудившую Оруаль заставить Психею нарушить обет, данный богу. В апулеевской новелле сестрами Психеи движет чувство зависти. Причина поступка Оруали – неверие и эгоистическая любовь. Героиня не может видеть дворец и его роскошное убранство, а зна-

чит, она не может завидовать богатству сестры: «Я выпила ледяной воды, и она то ли отрезвила мой рассудок, то ли окончательно отняла его у меня. <...> Там, за рекой, высился дворец. <...> Затем я поднялась, но не успела выпрямиться в полный рост, как все пропало»⁵.

Отметим, что, вводя новый персонаж, писатель меняет и вектор повествования. Повествование в романе ведется от лица Оруали – героиня решила рассказать о несправедливости богов. Ее рассказ начинается с обвинения: «В этой книге я буду обвинять богов: в первую очередь того, который обитает на Седой горе. Слово перед строгим судьей я расскажу без утайки обо всем том зле, что этот бог причинил мне»⁶. Но постепенно обвинение сменяется исповедью.

Внося фактические изменения в античный миф, К. С. Льюис все же сохраняет его основную идею – идею метаморфозы. Более того, он так же, как и Апулей, выносит эту идею в название романа – «Пока мы лиц не обрели». Героиня К. С. Льюиса должна претерпеть метаморфозу, чтобы стать собой и обрести свое лицо. Это единственное условие, при котором она может получить ответ бога: «Я отлично знаю, почему боги не говорят с нами открыто. <...> Пока мы не научились говорить, почему они должны слушать наш бессмысленный лепет? Пока мы не обрели лиц, как они могут встретиться с нами лицом к лицу?»⁷

Как было доказано М. Бахтиным в работе «Формы времени и хронотопа в романе», метаморфоза есть главная черта античного авантюрно-бытового романа, примером которого является произведение Апулея. У Апулея метаморфоза – это форма осмысления и изображения частной человеческой судьбы. На основе метаморфозы создается тип изображения частной человеческой жизни в ее основных, переломных и кризисных моментах. В романе Апулея, как показывает ученый, даются абсолютно разные образы одного и того же человека,

«объединенные в нем как разные эпохи, разные этапы его жизненного пути»⁸. Другими словами, у Апулея нет становления в точном смысле этого слова, но есть кризис и становление.

Здесь отметим, что исследователи романа Апулея обращают внимание на то, что история Луция, главного героя «Метаморфоз», повторена в рассказе о Психее. «Жизненный путь в оболочке метаморфозы в романе дан как в основном сюжете, так и во вставной новелле об Амуре и Психее, которая является параллельным смысловым вариантом основного сюжета»⁹, – пишет М. Бахтин. Сходную точку зрения высказывает и С. М. Полякова, говоря о том, что миф об Амуре и Психее обеспечивает читателю «боковое зрение»¹⁰ и необходим для понимания обрамляющего его повествования.

Психея и Луций из-за неосторожности и любопытства вынуждены скитаться: Луций превращен в осла и должен вернуть себе человеческий облик, а Психея должна пройти ряд испытаний, прежде чем найдет супруга. Оба персонажа претерпевают мнимые смерти, но в финале торжествуют – Луций получает высокие посвящения, Психея становится богиней. Таким образом, читатель видит Луция и Психею в начале действия виновными, а затем преображенными, но не видит самого становления. Страдания героев вынесены во внешний мир, они испытывают лишь видимые физические трудности.

В произведении К. С. Льюиса показан сам мучительный процесс становления героини. Оруаль проходит долгий путь – ей нужно преодолеть страх, испытываемый перед богиней Унгит, избавиться от эгоистических притязаний на волю и свободу близких ей людей, от любви «на пользу себе»¹¹, осознать свою вину, научиться угадывать присутствие Бога в мире – и обрести свое лицо.

Важно, что весь путь духовного взросления Оруали задокументирован и не кем-

нибудь, а ей самой. Оруаль сама рассказывает свою историю. Как мы уже сказали, ее повествование начинается с обвинения, которое она выдвигает злым и завистливым богам, но со временем приобретает исповедальный характер. Она становится строга не только к богам, но и к самой себе, она требует ответа и правды не только от них, но и от себя самой: «Я пришла к выводу, что должна честно (я не хочу лгать, стоя перед судом) поведать все свои чувства и мысли». Терзаясь и мучаясь, погружаясь каждую ночь в тревожный сон, она постепенно понимает, что руководствовалась эгоистическими мотивами, заставив Психею предать своего мужа, лишив отдыха Бардию, не дав желанной свободы Лису: «Божественные Врачеватели уже привязали меня к верстаку и принялись за работу: гнев недолго помогал мне защититься от правды; гнев устает быстро»¹². Внутренняя метаморфоза Оруали, таким образом, происходит на глазах у читателей.

Метаморфоза Луция и Психеи, как заметил М. Бахтин, носит частный, а не исторический характер: то, что происходит с апулеевскими героями, совсем никак не влияет на внешний мир. Иначе у Льюиса. Та метаморфоза, которую должна пережить Оруаль, и тот выбор, который она должна сделать, – свободно выбрать путь раскаяния и покаяния, имеют как индивидуальное, так и историческое, шире – «космическое значение». В этом смысле позиция К. С. Льюиса во многом совпадает с положением экзистенциальной философии религиозного типа. С актом выбора в мире совершается и появляется нечто такое, «чего до сих пор не было и чего бы не могло бы появиться вовеки, не создай этого данный – только этот индивид. Ибо другой человек может создать только что-то другое, а тот единственный и неповторимый акт созидания может так и не состояться, и это важно не только для данного человека, но и для вечности. Если данный индивид “душу свою потеряет”, то это не толь-

ко его потеря, не имеющая никакого значения помимо него»¹³, – пишет П. П. Гайденко, объясняя положения философии С. Кьеркегора, основателя религиозного экзистенциализма.

Во многом именно поэтому иначе, чем в романе Апулея, строятся пространственно-временные отношения в произведении К. С. Льюиса. У Апулея авантюрное время сочетается с бытовым. Основное действие романа представляется, как пишет М. Бахтин, биографическим, но при этом изображаются только исключительные моменты человеческой жизни. Во вставной же новелле об Амуре и Психее авантюрное время сочетается со сказочным. Об историческом или космическом времени, по мнению М. Бахтина, говорить не приходится. В романе «Пока мы лиц не обрели» пространственно-временные отношения характеризуются единством трех аспектов – субъективным, мифологическим и историческим.

Формально действие романа происходит в небольшом государстве в эллинистическую эпоху. Здесь налажен быт, существуют свои традиции. Цари правят и повелевают, жрецы служат богам, рабы подчиняются свободным. Оруаль принимает активное участие в этом мире: учится сражаться, издает нужные законы, участвует в поединке. Но в отношениях с близкими людьми справедливая правительница эгоистична.

Однако основное действие романа происходит все же не в этом реальном мире, а в ирреальном пространстве, которое постоянно себя обнаруживает через сны и видения, через символы и знаменья. Более того, в какой-то момент граница между двумя мирами исчезает: «Я вошла к себе в первом часу пополудни... и сразу попала внутрь видения – мне не пришлось для этого даже присесть или прилечь на ложе»¹⁴.

В ирреальном мире невидимое становится осязаемым, то, что героине казалось правдой наяву, во сне оборачивается ложью. «...с того дня мне становилось все труднее отличить сон от яви, потому что

сны были правдивее. И этот сон был правдивым. Это я была Унгит. Это раскисшее лицо в зеркале было моим. Я была новой Баттой, всепожирающей, но бесплодной утробой. Глом был моей паутиной, а я старой вздувшейся паучихой, объевшейся чужими жизнями»¹⁵. Именно в ирреальном мире происходит настоящая метаморфоза героини. Она приходит к пониманию того, что ответы на многие ее вопросы и обвинения лежат не в области человеческих оценок.

В историческом («космическом») аспекте роман К. С. Льюиса – это слово о человеке, который в кризисный момент истории (напомним, роман написан после Второй

мировой войны) утратил веру, о необходимости страдания, которое приводит к вере. В этом смысле роман английского писателя – это метафора современности.

Думается, именно поэтому К. С. Льюис построил свое произведение на материале античного мифа. Хороший миф, по мнению писателя, «стоит выше аллегории... В аллегорию можно вложить только то, что было известно заранее, в миф же укладывается то, чего пока не знаешь и до чего не можешь добраться иным путем...»¹⁶. Так, миф для К. С. Льюиса оказывается единственно возможным способом рассказать о Боге и убедить читателя в присутствии Бога в этом мире.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Штейнман М. Христианская фантастика Клайва Льюиса // Льюис К.С. Письма Баламута. Расторжение брака. Мерзейшая мощь. Из цикла «Хроники Нарнии». Пока мы лиц не обрели. М.: АСТ Изд-во, 2004. С.12.

² Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. С. 55.

³ Adey L. C. S. Lewis: Writer, Dreamer and Mentor. Grand Rapids, Michigan / Cambridge, U.K., 1998. P. 152–153.

⁴ Lewis C. S. Note // Lewis C.S. Till We Have Faces. A Myth Retold. Glasgow: William Collins Sons and Co Ltd., 1981. P. 8.

⁵ Льюис К. С. Пока мы лиц не обрели / Пер. И. Кормильцева. М.: Иностранная литература; Б.С.Г. – ПРЕСС, 2000. С. 139–140.

⁶ Там же. С. 7.

⁷ Там же. С. 289.

⁸ Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Эпос и роман. СПб.:Азбука, 2000. С. 42.

⁹ Там же. С. 39.

¹⁰ Полякова С. В. «Метаморфозы, или Золотой осел» Апулея. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. С. 61.

¹¹ Льюис К. С. Ад. Чистилище. Рай // Книги мертвых. СПб.: Амфора, 2001. С. 265.

¹² Там же. С. 263.

¹³ Гайденок П. П. Прорыв к трансцендентному. Новая онтология XX века. М.: Республика, 1997. С. 152–153.

¹⁴ Льюис К. С. Пока мы лиц не обрели. С. 279.

¹⁵ Там же. С. 273.

¹⁶ Льюис К. С. / Под ред. К. М. Королева // Книжное обозрение. 1994. № 40. С. 13.